

Ю. Б. Сериков¹

ОБ ОСВОЕННОСТИ ТЕРРИТОРИИ УРАЛА В ЭПОХУ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА

Serikov Y.B. On settlement the territory of the Urals in Upper Palaeolithic

Исследователей палеолита всегда интересовали вопросы не только начала освоения той или иной территории, но и степени ее заселенности. На первый взгляд, этот вопрос можно решить при помощи картографирования. Казалось бы, большое количество памятников на определенной территории покажет степень ее освоенности. Но, во-первых, все эти памятники неравнозначны. Среди них есть долговременные или сезонные поселения, а есть и кратковременные стоянки и местонахождения. И второе — между этими памятниками может быть большой хронологический разрыв, исчисляемый сотнями и даже тысячами лет. Наличие монументальных жилищ из костей мамонтов, на основании которых можно было бы говорить о постоянном населении, тоже не может использоваться в качестве критерия освоенности территории. В последнее время их долговременность подвергается большим сомнениям.

В настоящее время на Урале известно немногим более 150 палеолитических памятников разного типа: поселения с сезонными жилищами, кратковременные стоянки, святилища. Большая часть памятников является местонахождениями с не-

большим количеством артефактов. Раскопками исследовано около 50 памятников. Значительная часть раскопок носила рекогносцировочный характер. Раскопы, по площади превышающие 100 кв. м, можно пересчитать по пальцам. Все палеолитические памятники Урала характеризуются слабой насыщенностью культурными остатками не только из кости, бивня, рога, но и из камня. Достаточно широкие исследования верхнепалеолитических стоянок открытого типа проводились на небольшом числе памятников. На стоянке Талицкого (р. Чусовая) вскрыто раскопками 500 кв. м и получено 30 костяных и около 5000 каменных изделий (Щербатова, 1994, с. 22–53). На стоянке Широфаново II (Камское водохранилище) раскопом изучено всего 50 кв. м, но коллекция находок за счет сбора подъемного материала составила свыше 5000 экз. (Павлов, 2009, с. 15). Еще один памятник находится на берегу Камского водохранилища — Гарчи I. Раскопами площадью около 160 кв. м получено 4120 каменных изделий (Павлов, Макаров, 1998, с. 4–10). Пятьсот каменных изделий дали рекогносцировочные раскопки стоянки Горная Талица (р. Чусовая) (вскрыто 16 кв. м). Еще около 3,2 тыс. собрано в виде подъемного материала (Мельничук, 2007, с. 11). На стоянке Заозерье (р. Чусовая) на вскрытой площади в 150 кв. м найдено 20 костяных

¹ Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, г. Нижний Тагил, Россия.

и 1400 каменных изделий (Павлов, 2004, с. 5–15). На стоянках Талицкого, Гарчи I и Горная Талица выявлены остатки наземных жилых сооружений, на основании чего их можно отнести к сезонным поселениям. Все указанные памятники располагаются на западном склоне Среднего Урала — на берегах реки Чусовой и Камского водохранилища.

Количество находок на других памятниках открытого типа заметно уступает указанным выше. На стоянке Бызовая (р. Печора) раскопками изучено 338 кв. м. Но удалось получить всего 253 каменных изделия (Канивец, 1976, с. 50–71; Павлов, 1996, с. 90–95). Такие же небольшие коллекции происходят с исследованных памятников Южного Урала: Большие Аллаки (208 экз. — 30 кв. м) (Жилина, Петрин, 1989, с. 46–47), Богдановка I (208 экз. — подъемный материал) (Широков, 1989, с. 164), Троицкая I (188 экз. — 70 кв. м) (Широков и др., 1996, с. 4–11).

С некоторых памятников коллекции получены путем сбора подъемного материала. Значительные комплексы происходят с размываемых памятников Камского водохранилища: Русское Веретье — около 1200 экз., Усть-Пожва III–IV — 757 экз., Усть-Пожва V — 735 экз., Гарчи II — 620 экз., Горка — 520 экз. (Мельничук, 2007, с. 12–14). На восточном склоне Урала на Гаринской стоянке (р. Сосьва) собрано около 700 каменных изделий и 120 костей со следами обработки (Сериков, 2007, с. 42–64).

Подобным образом характеризуются и пещерные памятники Урала. В Медвежьей пещере (Северный Урал) раскопками исследовано 184 кв. м, коллекция находок составляет чуть более 1500 экз. (Гуслицер, Канивец, 1965, с. 98–120). Это самый крупный пещерный комплекс Урала. К нему можно добавить еще два комплекса с Южного Урала. В пещере Байсланташ вскрыто 78 кв. м, получено полтора десятка костяных поделок и около 1400 каменных изделий (Котов, 2004, с. 36–52). Раскопки в Игнatieвской пещере со вскрытой площади в 74 кв. м дали 600 каменных изделий. Еще 750 артефактов собрано с поверхности пещеры (Петрин, 1992, с. 87–108); 25 % пещер исследованы на площади от 25 до 40 м². По несколько сот находок известно в пяти пещерах: гротах Столбовой (около 200 экз.), Блинецова (около 300 экз.), Бобылек (около 600 экз.) (все на Сред-

нем Урале), Каповой пещере (213 экз.) и гроте Кульюрт-Тамак (359 экз.) (Южный Урал). Почти половина всех пещер представлена незначительными комплексами находок: от 12 до 95 экз.; 30 % всех пещер содержат единичные находки (до 10 экз.) (Сериков, 2009, с. 310–315).

Теперь рассмотрим костяную индустрию Урала. Изделия из кости, рога и бивня мамонта в количестве около 300 экз. найдены на 25 позднепалеолитических памятниках. Отличительной чертой костяной индустрии палеолита Урала является исключительное использование так называемых природных форм, то есть костей животных, которые использовались либо совсем без обработки, либо с минимальной подработкой. Среди них кости мамонта и носорога с глухими боковыми или торцовыми отверстиями, кости со следами абразивной обработки, оббивки, ретуширования, резки, рубки. На некоторых костях без обработки зафиксированы следы использования в качестве скребков и шильев. Таких изделий в коллекции уральского палеолита около 86 %.

Среди изделий, являющихся результатом глубокой переработки кости, рога и бивня, преобладают украшения. Небольшие серии бус из бивня мамонта найдены в гроте Бобылек (6 экз.), пещере Байсланташ (Башкортостан) (4 экз.), Каповой и Игнatieвской пещерах (по 2 экз.). К ним нужно добавить подвески из зубов и костей животных — 6 экз.

Из предметов вооружения отметим вкладышевые кинжалы (стоянка Талицкого и грот Бобылек), кинжал из трубчатой кости (грот Безымянный), вкладышевое изделие из ребра северного оленя (Медвежья пещера). Замечательной выделки вкладышевые наконечники стрел из бивня мамонта (2 экз.) найдены в Шайтанской пещере (Свердловская обл.).

Кости животных использовались в качестве подставок, рабочих столиков, наковален, ударных инструментов, землекопных орудий, скребков, скребел и шильев. Единичными изделиями в палеолите Урала представлены ложила, нож, струг, долото, разбивник и выпрямитель древков. Обломки тщательно выделанных игл найдены только на трех памятниках — стоянке Талицкого, пещерах Байсланташ и Каповой.

Из произведений искусства, изготовленных из кости, в палеолите Урала можно отметить всего несколько предметов. Уникальной находкой является стилизованное изображение хищника семейства кошачьих, выполненное из бивня мамонта в стиле плоской скульптуры. Найдено оно в гроте Безымянном на р. Пышме (Свердловская обл.). Длина фигурки 7,9 см, толщина всего 2 мм (Петрин, Смирнов, 1977, с. 60). На Урале это пока единственная палеолитическая скульптура. В палеолите Евразии аналогий ей не имеется. На Гаринской стоянке найдена личина из межпозвоночного диска мамонта. По всей видимости, изделие изображало морду медведя в фас (Сериков, 2000, с. 200). Подобные «натуральные макеты» зверя, по мнению А.Д. Столяра, являлись одним из элементов верхнепалеолитической культуры (Столяр, 1985, с. 205–210). Также к произведениям искусства можно отнести бивень мамонта с ритмическими насечками, найденный на местонахождении Мамонтова Курья (Республика Коми), и два орнаментированных ребра с Гаринской стоянки.

Изделий, которые можно было бы поставить в один ряд с лучшими образцами косторезного палеолитического производства Евразии, в палеолите Урала всего шесть. Это скульптурное изображение хищника из грота Безымянного, вкладышевый кинжал со стоянки Талицкого, два вкладышевых наконечника из бивня мамонта из Шайтанской пещеры и две мотыги из Усть-Койвинской пещеры (р. Чусовая).

Если суммировать все данные по верхнему палеолиту Урала, то получим следующую картину. Из 150 известных памятников раскопками исследовано около трети. Вскрытая площадь не превышает 5000 кв. м. Со всех палеолитических памятников Урала получено около 40 тыс. каменных артефактов и около 300 костяных изделий. А на территории Русской равнины только на стоянке Пушкари I на 150 кв. м раскопанной площади найдено 115 тыс. каменных изделий. Комплекс Мезинской стоянки составляет свыше 100 тыс. каменных изделий, Костенок 4 — 60 тыс., Хотылево 2 — 40 тыс. и т.д. Такая же ситуация и с костяными изделиями. На стоянках Русской равнины изделия из кости представлены десятками и сотнями

экземпляров. В большом количестве присутствуют украшения. На Сунгире найдено свыше 10 тыс. украшений, на стоянке Юдиново — около 20 тыс. бус и их заготовок. На многих стоянках обнаружены скульптуры из камня, бивня и кости. Широко представлены костяные изделия, украшенные гравировками. Ничего этого мы не видим на палеолитических памятниках Урала. Все это свидетельствует о специфике освоения Урала в верхнем палеолите. С чем связана такая особенность уральского палеолита, еще предстоит выяснить.

Радиоуглеродных дат для верхнего палеолита Урала крайне мало. Большая их часть относится к пещерным памятникам. Количество продатированных памятников открытого типа незначительно — 10. На Южном Урале находится стоянка Лабазы I, возраст которой оценивается в 40,3 тыс. лет (История башкирского народа, 2009, с. 33). Самым ранним памятником Среднего Урала, видимо, является стоянка Заозерье, для которой имеется 8 дат возрастом от 31,5 до 35 тыс. лет (Павлов, 2009, с. 7). К сожалению, в разных публикациях П.Ю. Павловым приведены разные даты, что вносит в характеристику стоянки некоторую путаницу (Павлов, 2004, с. 7; 2009, с. 7). К этому же промежутку времени относится и орнаментированный бивень с местонахождения Мамонтова Курья — 34 тыс. лет. Материалы Горновского местонахождения (Южный Урал) датируются в пределах 21,3–29,7 тыс. лет (Радиоуглеродная хронология палеолита, 1997, с. 62–63). Единственная дата получена для верхнего слоя стоянки Гарчи I — 28,7 тыс. лет (Павлов, Макаров, 1998, с. 6). Единственный культовый палеолитический памятник открытого типа, расположенный на озере Большие Аллаки (Челябинская обл.), имеет дату 24,7 тыс. лет (Жилина, Петрин, 1989, с. 47). Большой разброс дат — от 14,1 до 25,7 тыс. лет — характеризует стоянку Бызовая. Шесть дат получены по костным материалам размытой Гаринской стоянки — от 15 до 20,5 тыс. лет. Два образца из мерзлотного клина показали сходные параметры — 18,1 и 18,5 тыс. лет (Сериков, 2007, с. 65). Кроме этих дат по материалам «кладбищ мамонтов» в окрестностях Гаринской стоянки получено еще 28 дат возрастом от 11 до 29 тыс. лет. Для стоянки Талицкого известна

только одна дата — 18,7 тыс. лет. Самым молодым памятником открытого типа является стоянка Троицкая I (Южный Урал) — 16,3 тыс. лет.

Из 34 исследованных раскопками пещер радиоуглеродные даты имеют 23 памятника. Это в 2,5 раза больше, чем у памятников открытого типа. Но анализ датирования не позволяет делать какие-либо серьезные обобщения. Почти у половины пещер (11) имеется всего по одной дате. По две и три даты имеют три пещеры. От четырех до семи радиоуглеродных дат имеют всего шесть пещер: Бобылек, Смеловская 2, Капова (по 4 даты), Заповедная (5), Игнatieвская (6) и Медвежья (7).

Материалы раннего этапа, который условно определяется в рамках 36–27 тыс. лет, выявлены в пяти пещерах. В четырех пещерах их значения превышают 30 тыс. лет: Смеловская 2 (Южный Урал) (41 тыс. лет), Бобылек (34,5 тыс. лет), Большой Глухой (р. Чусовая) (38,2 и 33,9 тыс. лет) и Кумышанская (р. Чусовая) (33,6 тыс. лет). Две близкие даты получены из грота Близнецова и пещеры Заповедной (Башкортостан) — соответственно 28,5 и 28,7 тыс. лет. Дата из Заповедной относится к костеносному слою без артефактов. Известна еще одна пещера с датой такого же уровня — Горновская (Башкортостан). К сожалению, даты одного и того же образца, полученные в разных лабораториях дали разные значения: 29,7 и 21,3 тыс. лет. Объяснения этому факту специалисты пока не находят (Радиоуглеродная хронология палеолита, 1997, с. 42).

Таким образом, ранний этап освоения пещер Урала представлен невыразительными комплексами с малочисленными находками и противоречивыми датами. Только в гроте Близнецова найдены следы кострищ, значительные комплексы каменных изделий (около 300 экз.) и плейстоценовой фауны (около 3000 экз.). Четыре пещеры с ранними датами расположены на Южном Урале, а три — на Среднем. Причем грот Большой Глухой и Кумышанская пещера находятся на реке Чусовой, а грот Близнецова — недалеко от устья Чусовой на берегу Камы. Следует подчеркнуть, что река Чусовая с глубокой древности являлась трансуральской магистралью, связывающей восточный и западный склоны Урала. Она берет начало из озера Сурны

в Челябинской обл., протекает вдоль восточного склона Урала, затем пересекает Уральский хребет с востока на запад и впадает в Каму уже на западном склоне Уральских гор (Сериков, 1998, с. 44–46).

К среднему этапу (27–21 тыс. лет) относятся два пещерных памятника — один из слоев грота Бобылек (23,7 и 23,5 тыс. лет) и грот Столбовой с датой комплекса в 22,9 тыс. лет. Возможно, с этим же этапом следует связывать и материалы Горновской пещеры.

Все остальные датированные пещеры относятся к позднему этапу палеолита, который, тем не менее, можно разбить на два периода. К раннему периоду отнесены памятники с датами от 19 до 16–15 тыс. л. Это грот Безымянный (19,2 тыс. л) Медвежья пещера (16,1–18–18,7 тыс. л.), навес Студеный (16 тыс. лет), навес Устиново (16 тыс. л.), грот Кульюрт-Тамак (15–15,8 тыс. л.), грот Максютковский (15,6 тыс. л.), и Смеловская пещера 2 (15,6 тыс. л.).

Большая часть датированных пещерных памятников относится к позднему периоду, даты которого укладываются в рамки от 15 до 12 тыс. лет. На Северном Урале такие даты имеет только Медвежья пещера — 11,5–12,2–12,7–13,2 тыс. л. На Среднем Урале памятники этого периода представлены гротами и небольшими пещерами: грот Бобылек (14,2 тыс. л.), грот Зотинский (13,6 тыс. л.), пещера Котел (13,2 тыс. л.), Усть-Койвинская пещера (12,7 тыс. л.) и Кумышанская пещера (12,4 тыс. л.). На Южном Урале картина противоположная — к позднему периоду относятся пещеры длиной свыше 100 м: Капова (15–14,7–13,9 тыс. л.), Игнatieвская (14,2–14–13,5–13,3 тыс. л.), Байсланташ (13,5 тыс. л.) и Заповедная (12,4 тыс. л.). Возможно, это чистая случайность, которая объясняется тем, что датирование небольших гротов просто еще не производилось. Не исключено, что к этому же периоду следует отнести еще одну пещеру, видимо, с омоложенной датой — Сикияз-Тамак I (11,7 тыс. л.) (Житенев, 2006, с. 201).

Определить характер использования пещер в палеолитическую эпоху очень сложно из-за преобладания традиционного взгляда на пещеры как на убежища и кратковременные стоянки. Если идти

традиционным путем, то все пещерные комплексы Урала могут быть охарактеризованы как кратковременные стоянки и святилища. Комплекс грота Безымянного с уникальными костяными украшениями и скульптурой, возможно, является разрушенным погребением (Петрин, 1992, с. 84). Не вызывающими возражений святилищами являются пещеры с живописью (Капова, Игнatieвская и 2-ая Серпиевская) и демонстрационными комплексами в виде черепов животных (Кумышанская, Заповедная, возможно, Сикийз-Тамак I). Однако детальный анализ многих уральских пещерных комплексов позволяет выявить аспекты, которые допускают и иное (сакральное) использование пещер (Сериков, 2007а, с. 17–19). Культовые комплексы обнаружены в Медвежьей и Уньинской пещерах на Северном Урале (скопление тысяч сброшенных рогов северного оленя) (Павлов, 1996, с. 83–85). Следы ритуальных действий выявлены в гроте Зотинском, пещерах Котел и Усть-Койвинской (Сериков, 2000, с. 199–200). Внимательного изучения в этом плане заслуживает самый крупный на Урале комплекс костяных изделий (в том числе украшений) в гроте Бобылек. Интересно отметить, что на Южном Урале все пещеры длиной свыше 100 м использовались в качестве святилищ (Капова, Игнatieвская, 2-ая Серпиевская, Заповедная). Кстати, Медвежья и Уньинская пещеры также имеют длину свыше 100 м. Единственным исключением является пещера Байсланташ длиной около 110 м. Однако и в этой пещере имеются детали, происхождение которых возможно объяснить сакральными причинами. При значительной коллекции каменных и костяных изделий (соответственно 1360 и 24 экз.) в палеолитическом слое пещеры обнаружено всего около 50 экз. расколотых костей крупных животных (бизона и лошади), что абсолютно нехарактерно для уральских пещер. Явно не утилитарное назначение имели и украшения, выявленные в комплексе пещеры — круглые и квадратные бусы (нашивки) и подвеска из гальки с естественным отверстием («курий бог»).

При определении характера использования пещер особое внимание следует обращать на наличие в них предметов символической деятельности (Дервянко, Рыбин, 2005, с. 232–233). Ви-

димо, неслучайно в Каповой пещере обнаружен значительный комплекс украшений, в который входят свыше 60 раковин ископаемых моллюсков с проткнутыми отверстиями, четыре каменных и две костяных бусины, подвески из галек и кости. Крайне интересным и отчасти загадочным является комплекс украшений из пещеры Смеловская 2. Кроме 53 каменных изделий в ней найдены 31 подвеска из талька и 10 тальковых кусков и пластин, которые, возможно, были заготовками украшений (Бадер, 1971, с. 202, 206, 207). Кроме указанных пещер украшения в виде подвесок и бусин выявлены в пещерах Игнatieвская, Туристов, Байсланташ, гротах Безымянный, Бобылек. Необходимо добавить, что в уральских пещерных святилищах послепалеолитического времени найдено почти 95 % всех известных украшений из природных форм (раковин, зубов и костей животных, галек, плиток камня). Эти факты могут косвенно свидетельствовать в пользу сакрального использования пещер с украшениями и в эпоху палеолита.

Таким образом, современные материалы показывают, что в период от 40 до 28 тыс. л.н. на территорию Урала с разных направлений проникали отдельные немногочисленные группы верхнепалеолитического населения. Примерно около 23–24 тыс. л.н. населения на Урале становится больше. К этому времени относится и первый памятник с культовым хрустальным комплексом (78,8 % горного хрусталя) — Большие Аллаки II. Совсем иная картина вырисовывается в позднем этапе палеолита (19–12 тыс. л.н.). Из 21 датированного памятника семь пещер достоверно использовались в культовых целях (Медвежья, грот Безымянный, Кумышанская, Капова, Игнatieвская, Заповедная, Сикийз-Тамак I). К ним можно добавить еще два недатированных комплекса в пещерах Уньинской и 2-ой Серпиевской, которые, судя по всему, относятся к этому же периоду. Еще в семи пещерах выявлены комплексы, появление которых с разной степенью достоверности можно связывать с определенными ритуальными действиями (Зотинский, грот Бобылек, Котел, Усть-Койва, Кирпичный, Байсланташ, Смеловская 2) (Сериков, 2007а, с. 7–24).

Появление святилищ, на взгляд автора, возможно только при наличии на данной территории постоянного населения. Именно этот фактор

может стать определяющим критерием освоённости территории Урала в конце верхнего палеолита.

ЛИТЕРАТУРА

Бадер О.Н. Смеловская II палеолитическая стоянка в степях Южного Урала // МИА. 1971. № 173. С. 200–208.

Гуслицер Б.И., Канивец В.И. Пещеры Печорского Урала. М.; Л., 1965.

Деревянко А.П., Рыбин Е.П. Древнейшее проявление символической деятельности палеолитического человека на Горном Алтае // Переход от среднего к позднему палеолиту в Евразии: гипотезы и факты. Новосибирск, 2005. С. 232–255.

Жилина И.В., Петрин В.Т. Оригинальная индустрия из Кыштымского озёрного края (к проблеме появления культовых мест на Урале) // Технический и социальный прогресс в эпоху первобытнообщинного строя. Свердловск, 1989. С. 46–48.

Житенев В.С. Череп пещерного медведя (*Ursus spelaeus*) с нарезками и следами охры из пещеры Сикияз-Тамак (Южный Урал) // Современные проблемы археологии России. Новосибирск, 2006. Т. I. С. 201–203.

История башкирского народа. М., 2009. Т. 1.

Канивец В.И. Палеолит Крайнего Северо-Востока Европы. М., 1976.

Котов В.Г. Исследование палеолитического слоя в пещере Байсланташ (Акбутинской). Предварительные итоги // Уфимский археологический вестник. 2004. Вып. 5. С. 36–55.

Мельничук А.Ф. Финальный палеолит Пермского Приуралья: Автореф. дис. ... к.и.н. Ижевск, 2007.

Павлов П.Ю. Палеолитические памятники Северо-Востока Европейской части России. Сыктывкар, 1996.

Павлов П.Ю. Ранняя пора верхнего палеолита на Северо-Востоке Европы (по материалам стоянки Заозерье). Сыктывкар, 2004.

Павлов П.Ю. Палеолит Северо-Востока Европы: Автореф. дис. ... д.и.н. СПб., 2009.

Павлов П.Ю. Стоянка Заозерье — памятник начальной поры верхнего палеолита на Северо-Востоке Европы // РА. 2009. № 1. С. 5–17.

Павлов П. Ю., Макаров Э.Ю. Гарчи I — памятник костенковско-стрелецкой культуры на Северо-Востоке Европы // Северное Приуралье в эпоху камня и металла. Сыктывкар, 1998. С. 4–17.

Петрин В.Т. Палеолитическое святилище в Игнатиёвской пещере на Южном Урале. Новосибирск, 1992.

Петрин В.Т., Смирнов Н.Г. Палеолитические памятники в гротах Среднего Урала и некоторые вопросы палеолитоведения Урала // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск, 1977. С. 56–71.

Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы. СПб., 1997.

Серигов Ю.Б. Река Чусовая — трансуральская магистраль древности // Пути сообщения, коммуникации, научные достижения народов Евразии: Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. Березники, 1997. С. 44–46.

Серигов Ю.Б. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. Нижний Тагил, 2000.

Серигов Ю.Б. Гаринская палеолитическая стоянка и некоторые проблемы уральского палеолитоведения. Нижний Тагил, 2007.

Серигов Ю.Б. Становление ритуально-культовой практики у палеолитического населения Урала // Мирозрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул, 2007а. Вып. 1. С. 7–24.

Серигов Ю.Б. О времени и характере освоения пещер палеолитическим населением Урала // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937 гг.: Мат-лы Всерос. семинара, посвящ. 125-летию Б.Э. Петри. Иркутск, 2009. С. 310–315.

Столяр А.Д. Происхождение изобразительного искусства. М., 1985.

Широков В.Н. Об открытии двух палеолитических памятников на Южном Урале // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1989. С. 162–165.

Широков В.Н., Косинцев П.А., Волков Р.Б. Палеолитическая стоянка Троицкая I на реке Уй // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск, 1996. С. 3–17.

Щербаклова Т.И. Материалы верхнепалеолитической стоянки Талицкого (Островской). Екатеринбург, 1994.